

ИСТОРИЯ КОЛОКОЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ: СИГНАЛЬНОСТЬ И ВРЕМЯИЗМЕРЕНИЕ

Измаилова Л.В.

*кандидат искусствоведения, доцент кафедры белорусской и мировой
художественной культуры УО «Белорусский государственный
университет культуры и искусств»
(Республика Беларусь, г. Минск)*

Исторические хроники, эпистолярная литература и другие источники свидетельствуют о возрастании статуса колоколов и их звона в жизни европейского социума, начиная со Средних веков. Колокола использовались для наружного применения. Их выделяло из обиходного инструментария мощное и красочное звучание. Размещенные высоко над землей они апеллировали к широкой аудитории, практически ко всему населению, находящемуся в зоне слышимости. В последующие столетия под влиянием стиля феодальных донжонов начали строить высокие массивные колокольни, служившие едва ли не главной композиционной вертикалью городского или сельского пейзажа.

В первую очередь, конечно, колокола – инструменты христианской церкви. Однако их значимость в повседневной мирской жизни также велика. Многообразие значений колоколов и их звонов в культурной жизни отмечали многие кампанологи: «...герои и мученики, глашатаи и стражи, музыканты и летописцы – на таких ролях утвердились колокола в европейской истории» [5, с. 65].

В значении социокультурного коммуниканта колокола рассматриваются как художественный предмет, обладающий всей сложностью и многозначностью социокультурного феномена. Это потребовало расширения базы исследования за счет применения научных подходов культурологии, истории, богословия.

Своеобразная «социализация» колоколов в различные сферы повседневной практической жизни способствовала формированию особого культурного контекста, образующего «информационное поле», «соотнесение с которым... позволяет актуализировать и осмыслить сущностные характеристики» и социальную значимость колоколов [1, с. 47]. Совокупность всех контекстов сформировало особое коммуникативное пространство культуры социума. В то же время, «включаясь» в конкретную модель культуры, колокола испытывали ее влияние. В результате культурной идентификации, включающей два процесса – социализации и инкультурации, колокола приобрели статус *репрезентантов культурных ценностей и традиций* той или иной эпохи, региона... [7, с. 32].

В пространстве социокультурного общения колокола приобрели свойства *культурных коммуникантов*, а колокольный звон – *сообщений* (зашифрованных или художественных). Каждый из них обладает важными культурными свойствами: первые – *функциональностью*, вторые – *семантичностью* и *ценностью*. Рассмотрим две группы функций –

сигнально-организующую (времяизмерительную, «урочные звоны») и репрезентативную.

Наиболее многочисленная функциональная группа – сигнально-организующая (или регулятивно-проектирующая).

Первоначально имея чисто утилитарное назначение, эти звоны постепенно расширяли зону действия. Известно, что в первых средневековых монастырях звуком колокольчика собирали монашескую братию к трапезе. Позднее, дежурный монах или настоятель с колокольцем в руке, обходя территорию, оповещал всех (клириков и мирян) о начале храмовой службы. С оснащением храмов большими колоколами, размещенными на колокольнях, звон служил сигналом для всех христиан города и его окрестностей.

В процессе общения содержание звукового сообщения детализировалось: каждый горожанин, зная час начала храмовой службы, мог приблизительно определить время суток. На протяжении нескольких веков сложилась традиция обозначать звучанием церковных, а затем и светских колоколов события общественной и личной жизни человека (по Ле Гоффу, «регламентировалась жизнь всех людей»). Именно тогда колокольный звон начал осознаваться «единственным средством отсчета дневного времени» [2, с. 170].

Расширение сферы сигнальности связано с организацией новых жизненных процессов общества. В специальную группу выделились урочные звоны специального предназначения. Звон оповещал о жизненно важных для городских обывателей делах (тушили огни, запирали городские ворота, отходили ко сну). Во многих городах Западной Европы колокольными ударами измеряли ритм трудового дня: время работы и отдыха, торговых сделок и т.д.

Переход от простой сигнальности к урочным звонам свидетельствовал о формировании новой, более сложной проектирующе-регулятивной функциональности. Апеллирующие к трудовому населению специальные звоны планировали и организовывали общественный труд, индивидуально-бытовую жизнь человека, ориентируя его на соционорму: «каждая минута дня, каждое важное действие были обозначены особым колокольным звоном, ...чтобы призвать каждого к работе или к исполнению обязанности» [3, с. 237–238]. Этот канал связи был повсеместно распространен в городах Западной Европы вплоть до XIII века.

В развитии сигнальности XIV века запечатлелось разнообразие форм социальной практики. Конкретные урочные звоны должны были быть столь индивидуализированными, чтобы их легко опознавали на слух все горожане. Спецификация осуществлялась посредством *семантизации* колокольного звучания.

Новые значения («гражданские смыслы») звонов закреплялись в образных названиях самих урочных колоколов: «вечевой», «набатный», «путевой», «буревой», «метельный», «маячный», «судовой» (рында), «почтовый».

Встречались и парадоксально-специфические наименования. Например, Страсбургский «Колокол смерти», по аналогии с русским вечевым, извещал горожан об опасности, призывая к оружию, «Кровавый колокол» Кельна – о начале судебного разбирательства, Британский «Колокол бедного грешника» – о казни осужденного, «колокол позора» в некоторых городах Европы – о банкротстве [5, с. 65, 35–36]. Лозаннский колокол «Милосердие» напутствовал преступника в последний путь [3, с. 46].

С появлением в XIV веке городских часов («звонящих башен» с боевыми часами) функция урочных колоколов не утратила актуальности. Так, например, в XVI веке звоном биржевого колокола в Антверпене отмечали начало и конец торгового дня. Нарушение установленного регламента каралось штрафом в 25 су, а «...дела, заключенные в бирже после звона колокола» считали недействительными [3, с. 240]. В XVIII веке в Женеве звоном сопровождалось публичные наказания «за преступление второй важности» [3, с. 47].

Семантизация колоколов и звонов (иначе говоря, придание им значимости художественно-культурного послания) была вызвана необходимостью создания общедоступного языка коммуникативных сообщений, закрепляющего в сознании человека новые модули поведения. Начиная с XIV века, на протяжении нескольких последующих столетий урочные колокола-аудиокоммуниканты выполняли функцию регулятора культурных процессов. В источнике Н. Оловянишникова приведен характерный пример семантизации. В городах Фламандии пожарные колокола традиционно размещали на каланче, пристроенной к ратуше. Но при отсутствии ратушных нередко использовали звон церковных колоколов. При необходимости звучанием пожарных колоколов отмечали «приветствование королевского въезда или возвешение важных событий» [3, с. 238]. О смысловых различиях звукового сообщения в каждом конкретном случае имелись особые указания магистрата: «...звон, обозначающий тревогу, будет сильно отличаться от звона, употребляющегося в случае пожара; что в этом последнем случае не будет употребляться колокол, предназначенный для этого ранее, а будут звонить в колокол, который с башни Notre-Dame обозначал до сих пор получасовое время» [3, с. 239].

Характерный пример колокольной сигнальности связан с историей Витебска: после насильственного утверждения Брестской церковной унии (1596) возник конфликт между жестоким архиепископом Иосафатом Кунцевичем и христианами, отправляющими богослужение по православному чину. Возмущение верующих вылилось в восстание 12 ноября 1623 года. Набатный сигнал ратушного и некоторых церковных колоколов возвестил о начале восстания, в результате которого Кунцевич был убит. Наказание было суровым: 74 человека были казнены, ратуша разрушена, город лишен магдебургского права, колокола сняты и перелиты в большой колокол с надписью об этом событии [4, с. 4; 6, с. 456–457; 9, с. 116–117]. Более того, было предписано «при всех иных церквях, за исключением упомянутой [соборной], колоколов не иметь без позволения и

особенного разрешения...» [9, с. 117]. Другой пример: в 1661 году в Могилеве по сигналу набатного колокола члены городского магистрата и их наемники перебили безоружных стрельцов царя Алексея Михайловича [6, с. 473].

Времяизмерительный звон в России был известен с XVI века, о чем свидетельствует миниатюра Лицевого летописного свода, однако широкого распространения не получил.

В Беларуси сохранились художественно-ценные старинные башенные часы, установленные в гродненском монастырском комплексе, построенном во второй половине XVII века. В 1725 году они были перенесены с башни коллегиума иезуитов на высокую башню-звонницу при кафедральном костеле, имеющую высоту более 50 метров и 130 крутых ступеней. С тех пор они выполняли функцию городских часов. Такой же артефакт-куранты сохранился до настоящего времени в Англии. Но, в отличие от гродненских, британские часы неисправны, и являются лишь музейным экспонатом.

На колокольне гродненского Фарного костела были установлены колокола, известные как неотъемлемая часть башенных часов. По сохранившейся информации, до Первой мировой войны колокольня была оборудована четырьмя колоколами. Во время оккупации Гродно кайзеровской армией (1916–1919 годы) три из них были сняты и увезены в Германию.

Идея оснащения Минска городскими часами была осуществлена в первой половине XVIII века: в коллегиуме иезуитов на Соборной площади (сейчас – площадь Свободы) была построена башня, специально оборудованная курантами с хронометром гданьской работы. Они указывали точное время и день недели. Механизм пришел в негодность в 1902 года, а впоследствии была снесена и сама башня [8, с. 12].

В конце 1940 годов во время застройки разрушенного центра Минска предполагалось оборудовать звонницу на крыше жилого дома, известного минчанам как «дом под часами» (проспект Независимости, 16). В архитектурный проект специально была внесена шестигранная башенка с тремя циферблатами и часовым механизмом, соединенным с большим колоколом. В 1950–1951 годы куранты звонили, но потом умолкли.

На рубеже XX–XXI веков активно возрождается колокольный звон, в том числе, времяизмерительный. В Беларуси кроме старинных гродненских часов с колоколами в 2003 году зазвучали куранты минской ратуши, заново отстроенной на площади Свободы (автор мелодии, сопровождающей бой часов – И. Лученок), в 2007 году – костела Воздвижения Святого Креста на Кальварийском кладбище.

---

1. Закс, Л. Музыка в контексте духовной культуры / Л. Закс // Критика и музыкознание: сб. ст. – Л.: Музыка, 1987. – Вып. 3. – С. 46–68.

2. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс – Академия, 1992. – 376 с.

3. Оловянишников, Н. История колоколов и колоколотейное искусство /

Н. Оловянишников. – 2-е изд., доп. – М.: Изд. Товарищества П.И. Оловянишникова сыновья, 1912. – 435 с.

4. *Памятная книжка* Витебской губернии на 1878 г. / сост. А.М. Сементовский. – Витебск : В Витебской губернской типографии, 1878. – 416 с.

5. *Пухначев, Ю.* Колокол / Ю. Пухначев // *Наше наследие*. – 1991. – № 5. – С. 5–20.

6. *Россия.* Полное географическое описание нашего Отечества : настольная и дорож. книга для рус. людей. Т. 9 : Верхнее Поднепровье и Белоруссия / сост.: В.П. Семенов, М.В. Довнар-Запольский, Д.З. Шендрик [и др.]. – СПб. : Изд. А.Ф. Девриен, 1905. – 620 с.

7. *Садохин, А.* Межкультурная коомунікація: учеб. пособие / А. Садохин. – М.: Альфа-М; ИНФА-М, 2004. – 288 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ